

От Еревана до Берлина

В музее «Советская Армения в годы Великой Отечественной войны» экспонируется станковый пулемет «Максим» за № 688. Когда 89-я Армянская стрелковая дивизия отправлялась на фронт, он был вручен пулеметному расчету сержанта Гургена Саркисяна. В декабре 1941 года девять бойцов, преклонив колени, целовали полковое знамя и свое боевое оружие, давая клятву защищать Родину до последней капли крови.

А в победном 1945-м комсорг стрелкового батальона старший лейтенант Саркисян сдал пулемет на вечное хранение в музей. Трлжды «Максим» был в капитальном ремонте, заменены его основные части. Не все бойцы вернулись с войны — их могилы от Терека до Эльбы. А пулемет в музее — символ солдатского мужества.

Они сидели в самолете рядом — комбат Грант Бабалян, Герой Советского Союза, и комсорг его батальона Гурген Саркисян. Волнуясь, вглядывались в иллюминатор — какая она, Керчь сегодня? Смогут ли они, сорок лет спустя, узнать те места, где вели бой?

Группа ветеранов 89-й дивизии летела принять участие в праздновании 40-летия освобождения Керчи. Убеленные сединами, с золотом орденов и медалей на груди, люди молчали. Каждый вспоминал свое, пережитое. Их подразделения наступали с Азова. Десант высаживали на северо-восточную часть полуострова...

Помнится комсоргу и партийное собрание в перерыве между боями. Коммунисты знали Саркисяна в деле и единогласно проголосовали за прием его кандидатом в члены ВКП(б). А партийный билет он получил три месяца спустя в окопах под Новороссийском. В стрелковом окопе это торжественное вручение. Но пришлось все отложить и взяться за сружне, чтобы отбить очередную вражескую атаку.

Двенадцать человек ушло на фронт из рода Саркисянов села Тгид Аштаракского района. Самым младшим среди них был Гурген.

«Первый бой на берегу Терека. Как готовились они к нему, чистили и смазывали свой «Максим». За бой год Малгобеком Саркисян первый в полку был удостоен медали «За боевые заслуги».

Тогда приказ вышел: бегать боеприпасы, не стрелять без команды. Комсомольский расчет Саркисяна был на правом фланге линии обороны. Вдруг среди бега дня фашисты начали попластушки подползать к его позиции.

Казалось, расчет слился с пулеметом, таким томительным было ожидание. Вот уже видны наглые глаза фашистов. Кажется, слышно их дыхание, а Саркисян все медлит. И в тот момент, когда враги поднялись во весь рост, сержант крикнул: «Огоны!». Атака противника захлебнулась.

...Рабочий день уже заканчивался, когда в кабинет кто-то тихонько постучал. Вошел пожилой человек, поздоровался как-то странно:

— Здравствуй, комсорг! Не узнаешь?

Когда незнакомец снял фуражку, Саркисян воскликнул:

— Рядовой Гукасян! Седрак, дорогой!

Они поехали в музей, к своему «Максиму». Какая встреча без него, если он здесь, в Ереване. По пути взяли с собой Жору Ахояна — наводчика № 1.

Седрак, поглаживая рукой отполированный затвор, сказал:

— Помните, ребята, бой за Новороссийск, как мы внезапно вышли на открытую местность и увидели перед собой фашистскую танковую колонну.

...Подразделения с марша вступали в бой. Пулеметный расчет Саркисяна меткими очередями гонял фашистов. Еле успевали подносить ленты сружне закоптилось.

— Загар! — крикнул зло Ахоян. — Отстрелялись.

Саркисян приказал двум бойцам разыскать в деревне хотя бы полкабристы керосина.

Когда керосин доставили, Гурген приказал починенными поставить сружне вертикально прямо на колесах. Наглухо закрыли замок, залили горючее в ствол и по очереди шомголами чистили его. Через десять минут в общей канонаде звучал голос их «Максима».

Оказывается, за действиями дружного расчета наблюдал командир полка. Когда с фашистами было покончено, он вызвал к себе Гургена, поблагодарил за находчивость солдатскую смекалку. За этот бой Саркисян награжден орденом Красной Звезды.

А через день Гурген, уже комсорг батальона, оказался членом делегации дивизии которая ехала в Армению. В это время в село Тгид пришло письмо в него была вложена газета «Красная Звезда» с открытым письмом Петросу Саркисовичу. Но родители, которые не знали русского языка решили что в такой форме их извещают о гибели сына. Никто в селе не мог перевести текста. Горевали день, два, не ведая о том, что Гурген в Ереване. На третий отец пешком (48 км) пошел в Аштарак к секретарю райкома партии. Сдерживая слезы, попросил:

— Прошу, переведи это. Здесь написано, как погиб мой сын.

Петрос Саркисович слушал и уже не сдерживал своих счастливых слез. «Мы гордимся нашим сержантом и

благодарим вас за то, что вырастили такого отважного сына...»

— Пока отец был в районе, я приехал домой, — пошел в Аштарак, а секретарь райкома в это время привез его в Тгид никак не могли встретиться.

Кто то в музее вспомнил:

— В то время, когда бои шли на территории Польши, «Максимумы» были сняты с вооружения.

— Верно. Но наш оставили. Написали рапорт командиру. Так вот коллективно и отстаивали свое оружие. Мы его берегли, как святыню, и не было нам пулемета совершеннее и лучше, чем он.

Вспомнили Пайлака Хачатряна Манедона Погосяна, Саака Манукяна, погибших уже на территории Польши. Помолчали: хорошей был боевой расчет, верные друзья.

Скоро четыре десятилетия исполнится, как дружный расчет ушел в загас. Но дружба мужская год от года крепнет — фронтовое братство, озабывает, самое сильное. Тогда, озябшие тобелой и тишиной, не думали, как нужны будут друг другу, как угорно будут разыскивать затерявшихся побратимов.

Этой весной Гурген Петросович, кавалер двадцати четырех боевых наград, получает много неожиданных писем. Одно из них пришло из Ахалциха от ездового Марака Сантросяна. Ему сейчас 84 года и он, встретив в Ахалгалаки Седрака Гукасяна узнал адрес командира.

Саркисян читал письмо и чувствовал, как дорог ему этот человек которого на фронте они называли «стариком».

В 1944 году Саркисяну, комсоргу батальона, было присвоено звание лейтенанта. Он попросил оставить за ним одну привилегию: командовать расчетом. Так и воевал до самой Победы. Три ранения перенес на ходу. За это и ценили его солдаты. И находят через сорок лет.

Г. СИНЯКОВА.

Командир расчета Гурген Саркисян (слева) и наводчик Жора Ахоян у своего пулемета в музее «Советская Армения в годы Великой Отечественной войны».

Фото В. Касябяна.